

Владимир Иванов

Энтакриона

Владимир Иванов

Энтакриона

«Издательские решения»

Иванов В.

Энтакриона / В. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852507-0

Сколько ещё нераскрытых тайн хранят египетские пирамиды? Что можно найти за плитой в усыпальницу с начертанными знаками забвения и проклятия? Только прочитав книгу с загадочным названием «Энтакриона», Вы сможете ответить на эти и другие вопросы...

ISBN 978-5-44-852507-0

© Иванов В.
© Издательские решения

Энтакриона

Владимир Иванов

*Когда день превращается в ночь,
Звёзды опускаются с неба,
Чтобы раскрыть секреты,
Погребённые песками времени.*

Дизайнер обложки Маргарита Иванова

© Владимир Иванов, 2017

© Маргарита Иванова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2507-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Верховная жрица храма Исида Энтакриона открыла глаза. Утро уже наступило, и звезды утонули в небесной сфере, растаяв без следа. Бог Ра еще не успел обрушить свои испепеляющие лучи на землю, и воздух был насыщен остатками ночной прохлады и благоуханием цветущего сада. Щебетание птиц врвалось в распахнутые окна, и во всем теле Энтакрионы раз-

ливалась сладкая истома уходящего сна. Сердце билось ровно и сильно, призывая молодой организм к действиям, и мысли разнеженные сном становились четкими и ясными.

Верховная жрица хлопнула в ладоши и тут же из-за приоткрытых дверей, словно мираж пустыни появились служанки готовые провести ритуальные действия утреннего умывания и одевания своей госпожи.

Погрузившись в бассейн с благовониями, и чувствуя, как по телу скользят аккуратные и легкие руки рабынь, омывающих тело госпожи, Энтакриона предавалась неспешным размышлениям о заботах храма и проблемах, которые придется решать в течение жаркого и долгого дня. Вода успокаивала, и мысли текли плавно и неторопливо, как потоки великого Нила. Прикрыв глаза, жрица представляла себя в огромной лодке скользящей по водной глади реки: волны бьются в борта, заставляя лодку покачиваться, а свежий ветер приятно обдувает лицо и доносит с берега сладкие запахи цветущих садов, в изобилии раскинувшихся вдоль берегов и разноголосое пение птиц, спрятавшихся в ветвях прибрежных деревьев...

Красочные размышления были прерваны донесшимися звуками приближающихся шагов и шуршанием одежд. В такое время к Верховной жрице мог быть допущен только один человек. Энтакриона открыла глаза. Да, она как всегда не ошиблась.

– Госпожа, да будут благосклонны к тебе небеса, – Митафия склонилась перед Верховной жрицей, – хвала Исиде, богиня оберегает нас от врагов и завистников.

– Говори, – прервала Энтакриона длительный приветственный монолог Главной хранительницы.

– Работы по Вашей усыпальнице ведутся, но необходимо принести дополнительные жертвоприношения, чтобы боги были благосклонны к нам и помогали в решении этого очень важного вопроса.

– Я лично принесу жертвы богине.

– Да, госпожа.

– Продолжай Митафия.

– Начальник храмовой стражи просил Вашей аудиенции...

Теплая волна нежности пробежала по телу Энтакрионы, заставив учащенно забиться сердце. Стараясь скрыть волнение, она вновь прикрыла глаза и сделала небольшую паузу.

– Я приму его, но это будет не ранее полудня.

Вот уже скоро год, как по рекомендации фараона, к ним в храм прибыл новый начальник храмовой стражи, заменив умершего от укуса кобры старого начальника. Этот юноша поражал своей красотой. Его рост достигал двух метров, широкие плечи и развитая мускулатура, невольно вызвали уважение. Черты лица полуюношеского, полумужского завораживали, а глаза... О. эти глаза... за них Верховная жрица храма готова была отдать все...

– Госпожа. Мне кажется, Вы чем-то озабочены?

– ?

– Вы не слушаете меня.

– Митафия, все, что ты рассказала мне, действительно очень важно. Я приму решение по всем вопросам и сообщу о них. А сейчас оставьте меня.

Митафия склонилась в глубоком поклоне и медленно начала удаляться. Но надо было видеть глаза Главной хранительницы. Они сверкнули, как два острых ядовитых зуба кобры, готовой сделать молниеносный смертельный бросок на свою жертву. Ненависть и злоба, зависть и желание быть выше Главной жрицы – все это промелькнуло на лице женщины. Увидевший этот взгляд должен был бы вздрогнуть. Но Энтакриона, занятая своими мыслями, не обратила внимание, на то, что самый главный её враг и завистник совсем рядом, что он затаился и готов нанести удар в спину.

Оставшись одна, Энтакриона вновь отдалась во власть грез о Лаките, так звали Начальника храмовой стражи.

* * *

Солнце медленно подползало к зениту и небесный купол, на котором не было ни одного облачка, словно выцвел под беспощадными, обжигающими лучами. Песок раскалился до такой степени. Что на нем можно было спокойно готовить пищу, не прибегая к помощи огня. Все живое зарылось глубоко в землю, дожидаясь ночной прохлады. Лишь изредка, по песчаным барханам, катились сухие кусты перекасти-поле, подгоняемые не менее жарким ветром.

Мина с трудом переставляла ноги, утопающие по щиколотку в раскаленном песке. Горло разрывалось от сухости, нестерпимо хотелось пить. Казалось, мозг думал только об одном: «Воды, воды, воды».

Прошло уже двое суток, как туристический самолет-такси, совершающий облет над величественными пирамидами, потеряв управление, упал в пустыню. От столкновения с песчаным барханом погибли пилот и все пассажиры воздушного такси. Мина, вылетевшая через лобовое стекло, каким-то чудом осталась жива. Просидев сутки возле обломков самолета, в надежде на быструю помощь, Мина выпила почти всю воду, оставшуюся в самолете после катастрофы. Но время шло, а помощь не приходила и девушка решила на отчаянный, но может быть единственно правильный поступок – идти по пустыне, в надежде, что ее заметят с воздуха поисковые партии, или она набредет на караван, идущий через пустыню. Девушка еще не знала, что рейс воздушного такси был не учтенным, никто самолет на экранах радаров не отслеживал и поэтому его исчезновение не вызвало у службы воздушного контроля никакого беспокойства, и катастрофа произошла вдали от караванных путей, пересекающих пустыню.

Девушка упала лицом в обжигающий песок. Хотелось плакать от бессилия и беспомощности, но слезы высохли от нестерпимого жара. Перед глазамиплыли разноцветные круги. Тело стало невесомым и легким. Казалось, сам великий и безбрежный океан подхватил её на руки и несет по своим прохладным водам, плескаясь в лицо брызгами, срывающимися с шапок могучих волн...

...Вода плескалась на лицо щедрой струей и еще не до конца пришедшая в себя Мина пыталась поймать эти долгожданные струйки тепловатой жидкости пересохшими губами.

– Бедняжка, – голос принадлежал молодому мужчине, – наконец-то пришла в себя. А я то, грешным делом подумал, что все, не оживет. Ну не торопись, а то не хватало, еще захлебнута в этом безводном аду.

* * *

Нагнетаемый кондиционером охлажденный воздух был настоящим спасением. Окна кабинета, зарытые плотными жалюзи, создавали тот необходимый полумрак, который хоть немного настраивал на работу. Джейн, старший инспектор отдела охраны ценностей, уже который раз листала пухлую папку с делом по расхищению гробниц. Бандиты действовали нагло и в тоже время аккуратно. Разграбленные пирамиды, украденные ценности и не одного следа, ни одной маломальской зацепки. Ясно, что действует группа и они не новички в этом деле. Но хотя бы один отпечаток, один свидетель... Все тщетно.

Она только что вернулась от комиссара полиции. Он вызвал её на совещание вместе с начальником отдела и был вне себя от ярости. Итак, установлен еще один «последний срок» – неделя. Кара начальства будет жестокой и всеобъемлющей. «Сидя в кабинете, – рассуждала Джейн, – можно топтать ногами и посылать проклятья, грозить увольнением или переводом в рядовые сотрудники, но делу, то этим не поможешь».

Наметив очередной план, Джейн решила, что короткий обед не помешает успокоить нервы, и привести мысли в порядок. Захлопнув толстую и порядком надоевшую папку, она

вышла из кабинета, чтобы пройдя прохладным коридором управления, окунуться в расплавленную беспощадным солнцем, атмосферу города.

Почти добежав до джипа, Джейн открыла дверцу кабины и нырнула внутрь машины. Внутри было еще хуже, чем на улице. Единственно, что лучи солнца не обжигали кожу. «быстрее завести двигатель, чтобы включить спасительный кондиционер», – билась, пульсирующими толчками мысль в голове Джейн.

Попетляв по старой части города, она все же решила немного отложить свой обед и доехать до окраины Эль-Гиза, где находились пирамиды, а в одной из антикварных лавок работал ее осведомитель Хабиб, старый и хитрый старикашка. Сгорбленный годами и тяжелой жизнью, в которой все время приходилось бороться то за кусок хлеба, то за место «под солнцем», а то и за саму жизнь. Хабиб, тем не менее, умудрился сохранить ясность ума и трезвость мысли. Его хитрые глаза запоминали все, уши закрытые чалмой, слышали, о чем говорят и даже шепчутся покупатели сувениров и древностей, ну а если еще прибавить и то, что старый торговец умел читать по губам, то Джейн можно было позавидовать о то ценном сотруднике, которого она заполучила. Но старшему инспектору все это было давно известно, и поэтому она не часто пользовалась услугами Хабиба, чтобы не привлечь к нему внимания различного рода преступников и группировок, зарабатывающих возле пирамид свои грязные деньги.

Подъехав к антикварной лавке, Джейн не стала выходить из машины, а терпеливо дождалась пока сам хозяин не выйдет, и не сядет в ее машину. Хорошо затонированные стекла позволяли скрывать все то, что происходит внутри, оснащенная современной электронной аппаратурой машина позволяла вести разговоры, не опасаясь быть подслушанными. Более того, аппаратура антипрослушивания своевременно подсказывала, кто и в каком направлении проявляет любопытство по отношению к хозяйке машины.

– Да продлятся годы твоей жизни, госпожа, – поприветствовал молодую женщину старый хитрец, едва только дверь машины с тихим всхлипом закрылась за его спиной.

– Здравствуй, Хабиб.

– Какие беды привели высокого начальника лично и в столь неуместное время?

– Это упрек, Хабиб?

– Нет. Но обычно Вы присылали своих подчиненных.

– Все заняты, а дело срочное и не терпит отлагательства.

– Значит, луноликая госпожа занимается разграбленными пирамидами?

– Ты как всегда угадал.

– Не надо быть мудрецом. Весь город только и говорит об этом.

– Так чем же мне может помочь мой старый друг?

– Не так давно, в пустыне нашли умирающую девушку. Бедняжка была так плоха, что никто не думал, что она выживет. Но аллах, наверное, решил, что ей еще рано становиться гостьей райских садов, и она очень скоро пошла на поправку. Сейчас эта девушка работает в кафе «Жажда пустыни». И все бы неплохо, но вокруг нее постоянно крутятся подозрительные личности. Она молчалива, у нее нет друзей и подружек.

– Спасибо Хабиб. Ты сказал даже больше, чем я ожидала услышать. Наверное, я поговорю с ней.

– Пусть великий аллах принесет тебе удачу, госпожа....

* * *

Когда Великий Ра вознес свою колесницу высоко в зенит, Верховная жрица храма Исиды Энтакриона повелела вызвать к себе в покои начальника храмовой стражи.

Лакит вошел, как всегда стремительно и бесшумно, словно внезапно налетевшая песчаная буря. Загорелое тело, закрытое короткой туникой переливалось силой и здоровьем,

ремешки сандалий стягивали сильные мышцы ног, короткий меч в дорогих кожаных ножнах с вкрапленными драгоценными камнями бился о левое бедро начальника храмовой стражи. Серые глаза смотрели пристально и внимательно.

– Моя госпожа! Я у Ваших ног...

Рука, приложенная к сердцу, голова, склоненная в поклоне, открывающая затылок на котором стянуты в тугий пучок иссяня-черные волосы. Движения, жесты, облик молодого мужчины, как магические пассы завораживали и притягивали взгляд Энтакрионы.

Во внутренних покоях, где Энтакриона принимала начальника храмовой стражи, царил приятный полумрак. Они представляли собой ряд переходящих друг в друга помещений, разделяемые толстыми стенами храма и имеющие между собой проходы-ниши. Лишь первая дверь, ведущая из залов храма в комнату, где Энтакриона занималась делами, была сделана из особо ценных пород дерева и обита медью. Комнаты выглядели небольшими, по сравнению с остальными помещениями храма, но высокие потолки, колоннады и особенно рисунки, изображающие богиню Исиду вместе с другими богами, придавали каждому помещению величественность и некоторую помпезность. Спальня имела более скромный вид, хотя ложе, на котором спала жрица, сияло великолепием. За спальней располагался бассейн, в котором жрица купалась, пробуждаясь ото сна или смывая дневную усталость и заботы перед отходом ко сну. Внутренние покои храма не охранялись. Но в сам храм не прошел бы никто, не встретившись с многочисленной стражей, окружавших плотным кольцом не только храм и прилегающие к нему сады, но также и площадь перед храмом.

Энтакриона подошла к Лакиту и провела рукой по его плечу. Тело мужчины вздрогнуло от легкого прикосновения.

– Что хотел мне доложить мой главный страж? Зачем так просился на встречу? Что-то вызывает его тревогу и беспокойство?

Задавая вопрос за вопросом, жрица медленно обходила мужчину вокруг, касаясь его то пальчиками руки, то краями своей одежды... От таких знаков внимания тело начальника храмовой стражи покрылось капельками пота, дыхание стало неровным, фразы перестали иметь смысловую законченность...

– Госпожа... Я хотел...

Узкая женская ладошка прикрыла рот говорившего. Лакит поднял голову, смело и дерзко взглянул в глаза той, которую давно и казалось безнадежно, любил. Взгляды встретились. У Энтакрионы закружилась голова, две серые стрелы, вылетевшие из глаз Лакита, проникли в ее сердце. Покой поплыли перед глазами, словно она исполняла обрядовый танец...

Лакит едва успел подхватить свою госпожу на руки, чтобы отнести ее на спальное ложе.

* * *

Казалось, прошла целая вечность с того момента, когда Мина полуживая, с сильнейшими ожогами была случайно замечена «рыцарями удачи», промышляющими добычей сокровищ из пирамид и древних гробниц.

После очередной вылазки банда, возглавляемая молодым и удачливым главарем, возвращалась через пустыню в один из своих многочисленных схронов, чтобы надежно припрятать сокровища очередной, разграбленной гробницы. Верблюд, на котором сидел главарь по прозвищу «Храмовник», чуть не наступил на нее, полу засыпанную песком.

Долгие две недели Мина была на грани между жизнью и смертью. Истощенный, практически высушенный солнцем организм, боролся изо всех сил, цепляясь за жизнь каждой клеточкой и,..... победил. Дело пошло на поправку. Хорошее питание, изобилие фруктов и грубоватое мужское внимание, оказываемое со стороны главаря банды, были лучше всяких лекарств.

Но настал день, когда внимательный и заботливый до этого «Храмовник» вошел в комнату, где жила Мина с серьезным лицом.

– Нам нужно поговорить.

– ?

– Теперь твоя жизнь вне опасности. Но ты понимаешь, что отпустить тебя мы не можем. Ты, по воле случая, стала свидетельницей всего того, чем мы занимаемся. Да и во время твоей продолжительной болезни приходилось перевозить тебя из схрона в схрон. Не оставлять же такую красоту на растерзание всяким ползающим и бегающим тварям. Так что волей или неволей ты могла запомнить все наши секреты. Но, конечно же, самое главное: мои товарищи тоже имеют глаза и уши и они все, же мужчины. Если я отпущу тебя просто так, они сами найдут тебя и вдоволь поиздевавшись, убьют. Ты мне не безразлична, за время твоей болезни я привязался к тебе и хочу, чтобы ты была с нами. В нашем деле у тебя будет своя доля от добычи и эти головорезы, и безбожники наконец-то заткнут свои рты. Мне не хотелось бы, чтобы ты, едва воскреснув к жизни, ушла в мир теней и темноты. Решай.

– Есть ли у меня выбор? – Мина попыталась изобразить на лице подобие улыбки.

– Нет, – хмуро ответил молодой мужчина, и его серые глаза пристально посмотрели на нее, – вернее есть: либо ты с нами, либо...

– Понятно, дальше можешь не продолжать...

– Итак?!

– Конечно же, я остаюсь с вами. Но я не умею махать кувалдой или ломом, и мне не под силу таскать тяжелые тюки. Я слышала, что каждую гробницу стерегут магические стражи. Один из них – это статуя со змеей во лбу, который нападает на каждого, кто приблизится к усыпальнице. Другая – копыеносец из белого и черного оникса, который расправляется с непрошеными гостями глухим звуком, пронзающим сердце и третья, сбивающая с ног любого, пытающегося потревожить вечный покой обитателя гробницы... Потом эти переходы через пустыню, в схроны, вызывают у меня ужас...

– Тебе ничего из того что ты перечислила не придется делать. Ты умеешь быть доброй и заботливой хозяйкой?

– ?

– Используя наши сбережения, недалеко от пирамид, на окраине Эль-Гиза, мы открыли кафе «Жажда пустыни». В нем есть все, но там нет настоящей хозяйки, которая встречала бы гостей, окружала их заботой и лаской, развлекала их беседами и слушала их разговоры. Тебе необходимо будет завести знакомства среди лавочников и торговцев древностями, можно даже приручить их, делая скидки при расчетах за еду, чтобы мы могли превращать найденное в пирамидах и гробницах в живые деньги.

– А можно задать вопрос, не относящийся к делу?

– Задавай.

– Каждый ребенок, родившийся на берегах Нила, знает, что пирамиды хранят не только сокровища, но еще и страшные тайны, а некоторые и зловещие проклятия. И каждый, кто посягнет на покой пирамид и их молчаливых хозяев, спящих в саркофагах, может быть проклят или лишен жизни, а его душа обречена на вечное скитание между небом и землей. Ты не боишься этого? Знаешь, я где-то давно читала, в журнале, что какой-то археолог, кажется немец, обнаружил в гробнице надпись: «Дух мертвеца свернет шею вошедшему сюда, как гусю». А потом, пройдя дальше внутрь, увидел останки двух человек: фараона и грабителя, придавленного плитой, в тот момент, когда он пытался украсть драгоценности из склепа.

– Я слышал об этом.

– А помнишь, что было написано на амулете Тутанхамона?

– Конечно. «Я тот, в ком зов пустыни обратит в бегство каждого осквернителя могил».

– Точно. И все же, как насчет чувства страха или просто самосохранения?

– Моя душа уже и так проклята, так чего же мне еще опасаться. Я не боюсь проклятий. А смерть?... Рано или поздно мы все сядем в лодку к Осирису, который переправит нас в царство мертвых. И потом все эти рассказы и былины о проклятиях фараонов больше похожи на трюки газетчиков, пытающихся из любого маломальского правдоподобного факта раздуть шумиху о якобы сенсационном открытии. Деньги правят миром... А ты? Ты боишься смерти?

– Не знаю. После того, как я чуть не погибла в пустыне, понятие перехода от жизни к смерти потеряли четкие границы у меня в голове. Больше всего я боюсь проклятий, которые могут обрушиться на мою душу, а впрочем... Когда я могу приступить к своей работе?

– Завтра. Караван возвращается в Эль-Гиз, он отвезет тебя в кафе. Там тебя ждут. Но с той минуты, как ты переступишь порог своего кафе, ты должна забыть меня, моих людей и дороги в наши схроны. Связь с нами будешь держать через своего помощника, его зовут Абдулла. Каждый день он ездит на закупку провизии. Он то и будет сообщать нам о твоих делах, и при необходимости предавать распоряжения от меня. Если будет необходимость срочно связаться со мной, не доверяй никому. Я дам тебе почтовых голубей – это самый надежный вид связи и самое главное, он не может быть прослушан никакой аппаратурой. Ты все поняла?

– Да.

– Хорошо. А теперь отдыхай и набирайся отваги и сил перед завтрашним путешествием.

Когда главарь ушел, Мина застыла в позе глубокой задумчивости. Конечно, выбора у нее не было и естественно очень хотелось выжить любой ценой. То, что предложил «Храмовник», было несомненно лучше, чем стать наложницей главаря, а после и всей банды, но то, чем занимались эти люди, вызывало в ее душе смутную тревогу и беспокойство. Она соврала «Храмовнику», сказав, что ей не страшно. Проклятия прошлого пугали ее не хуже раскаленных песков пустыни. Только одна мысль утешала, что она не будет принимать непосредственного участия в их вылазках. Если бы Мина знала, как глубоко она заблуждается в своих мыслях...

* * *

Теплые губы нежно касались ее щек и губ, руки ласково гладили волосы и подобно легкому ветерку опускались на плечи, соскальзывая все ниже и ниже...

Энтакриона не хотела открывать глаза. Хотя давно уже пришла в себя. Она словно опять плыла на лодке по неторопливым водам Великого Нила, отдавшись во власть течению и свежему ветру. Реальность мира перестала существовать для нее. И нет уже Верховной жрицы храма Исиды, а есть обыкновенная земная женщина, которая жаждет, чтобы ее любили, которая со всей страстью и нежностью, имеющейся и нерастраченной в ней, хочет любить и наслаждаться этим чувством. Улыбка озаряет ее лицо, и она смыкает свои руки на шее Лакита, притягивая его тело к своему, желая ощутить его каждой частичкой...

Забыв обо все на свете, они не слышат, как с грохотом открывается дверь, ведущая в покои Энтакрионы, и в спальню входит фараон. Из-за его спины выглядывает фигура Верховного жреца Египта, а в хвосте этой мелькает лицо Митафии. Не надо быть особым провидцем, чтобы догадаться, как она в этот момент злорадствует. Это она, заподозрив свою госпожу, направила сюда фараона со свитой. Глаза Митафии горят алчностью: может теперь, когда она разоблачила бесстыдство Верховной жрицы и Начальника храмовой стражи, судьба вознесет ее на вершину власти, о которой она так долго мечтала.

Несчастных влюбленных стаскивают, с ложа избивая плетьюми, кидают под ноги фараона. Приговор вызывает содрогание и ужас у всех находящихся в спальне: замуровать в недостроенной усыпальнице Верховной жрицы обоих заживо. На плиты наложить печати проклятия и забвения. За верность и усердие главную хранительницу храма Митафию, возвести в ранг Верховной жрицы храма Исиды. Вознести хвалу богам и принести обильные жертвоприношения, дабы смыть позор и оскорбления, причиненные им.

Через три часа все было кончено. Энтакриону, приковали тяжелыми цепями к постаменту, на который обычно ставили саркофаг с телам забальзамированных. Предварительно с нее сорвали все дорогие одежды, прикрыв тело грубым куском холста. Лишь золотой медальон в виде солнца с огненным агатом внутри был оставлен ей в качестве платы за перевозку в царство мертвых, когда проклятая душа вновь обретет покой.

Лакита, как цепного пса, приковали за шею, почти возле выхода из усыпальницы. Ему перебили руки и ноги, лишая возможности двигаться.

Вход в усыпальницу завалили огромной плитой, на которую, согласно воле фараона, были нанесены знаки и печати забвения и проклятия.

Любовь, вспыхнувшая ярким пламенем, так и не смогла разгореться, залитая потоками человеческой зависти и алчности.

И долго еще в абсолютной темноте несло по переходам и нишам последнее:

– Прости любимая, прощай...

– Прости любимый...

* * *

Вычитывая сводки происшествий, Джейн напряженно размышляла. Разговор со старым осведомителем дал спасительную ниточку, которая как нить Ариадны могла вывести из лабиринта запутанных событий и преследовавших ее, в последнее время, неудач. До происходящих на данный момент событий, все складывалось как нельзя лучше. Джейн, окончившую полицейскую академию с отличием и как дочь знаменитого археолога, специалиста по древним захоронениям, знатока древней истории пирамид, а также одного из богатейших коллекционеров старины, была назначена в отдел по расследованию преступлений, связанных с расхищением культурных ценностей. Проводя, с детства, с отцом все свободное время на раскопках и других археологических экспедициях, она хорошо разбиралась в письменах Древнего Египта, истории и даже особенностях строительства пирамид и различного рода усыпальниц египетских вельмож. Пытливый ум девочки, а впоследствии девушки, наблюдательность и умение из незначительных фактов и предметов, обнаруженных при раскопках развивать цепь происходивших, когда то событий, вызывали уважение многих ученых и неопишемую гордость отца. Джейн пророчили великолепную карьеру ученого археолога, но трагические события, произошедшие в одной из археологических экспедиций, изменили ее решение стать исследователем древностей.

Это было последнее лето после завершения учебного года в колледже. Впереди еще один год учебы, а там поступление в университет на археологический факультете.

Как всегда, чтобы Джейн не скучала дома, отец предложил ей включиться в работу очередной экспедиции, исследовавшей усыпальницу одного из высокопоставленных вельмож, особо приближенных к фараону. Джейн с радостью согласилась, так как просто обожала часами, с великой осторожностью, миллиметр за миллиметром исследовать очередной кусочек истории. Погружаясь при этом в свои мысли, она, как наяву представляла себе всю картину прошлой и уже давно и безвозвратно ушедшей жизни.

Найденные, в ходе раскопок, артефакты поражали своей красотой, изяществом и богатством: золотые украшения, щедро пересыпанные камнями небывалой величины и огранки; серебряная и золотая посуда; курительницы благовоний и многое-многое другое, что было положено в усыпальницу для того, чтобы умерший ни в чем не нуждался в ином мире. Найденные предметы детально описывались и складывались в тяжелый сейф, специально взятый ее отцом для этих целей. Когда один из рабочих поинтересовался, сколько же все это стоит, хотя бы приблизительно, отец ответил, что нельзя деньгами оценить историю, она бесценна.

Лето было еще самом разгаре, но работа приближалась к концу. Экспедиция начала частичное сворачивание, развернутых объектов. Прделанный труд требовал тщательного осмысления в тиши рабочих кабинетов и лабораторий, анализа извлеченных из усыпальницы предметов и составления подробнейшего отчета.

В один из вечеров, когда Джейн с отцом плотно поужинали, он предложил ей небольшую прогулку по пустыне, в окрестностях развернутого лагеря, чтобы в спокойной обстановке продолжить разговор о том, где Джейн будет учиться: в Америке или все-таки выбор будет остановлен на университетах одной из стран Европы.

Ночная пустыня отдыхала от солнечного безумства прошедшего дня. Жизнь, замершая с восходом солнца, вновь начинала проявляться в шорохах и звуках.

Не спеша, прогуливаясь по вязкому песку и поглядывая на бархатное покрывало ночного неба, Джейн внимательно слушала длинный монолог отца о преимуществах того или иного университета. Ей не хотелось делать какие-либо замечания по этому поводу и вообще прерывать отца. Настроение было умиротворенное, перспектива начинающейся взрослой жизни только маячила на краешке горизонта, и, конечно же, она успеет еще раз подумать куда поехать и где учиться.

Полевой лагерь уже давно скрылся за барханами, а они пока и не думали возвращаться. Но вдруг отец остановился, будто бы натолкнулся на невидимое препятствие, прервал свой монолог и молча указал Джейн на высокий песчаный бархан, скрывший от их глаз лагерь экспедиции. На вершине этой природной песчаной пирамиды замерла группа всадников, закутанных в одежды бушметов, этих беспощадных воителей пустыни. На фоне ночного неба и начинающей свой восход на небосклон луны, явно просматривались перекинутые за спину силуэты винтовок. Группа насчитывала не менее десяти всадников. Один из них рассматривал бинокль их экспедиционную стоянку. Из лагеря эту группу было не возможно рассмотреть. Темное ночное покрывало надежно скрывало возвышающиеся на бархане силуэты. Сам же лагерь, освещаемый громадным диском луны, был как на ладони. Отец и Джейн могли их рассмотреть по причине того, что их местоположение относительно всадников, соответствовало положению всадников относительно лагеря.

Всадник, рассматривающий в бинокль раскинувшуюся внизу картину экспедиции, начал отдавать какие-то распоряжения, показывая руками в различных направлениях. Группа верховых бандитов, а в этом уже не приходилось сомневаться, по жесту своего главаря, рассыпаясь веером, рванулась вниз и скрылась из виду. встревоженная пустыня донесла до их слуха сухие щелчки выстрелов, и небосклон озарился кроваво-красными отблесками полыхающего пожара.

Не говоря друг другу ни слова, Джейн и ее отец бросились к лагерю. Быстро двигаться мешал вязкий песок и относительная темнота. Когда вконец измотанные бегом и подъемом на бархан они очутились на вершине этого исполинского песчаного гиганта, перед ними развернулась картина, разыгравшейся здесь молниеносной трагедии. Мирно спавший, в момент ухода Джейн и отца, лагерь был охвачен огнем. Горело все: палатки, оборудование, машины и даже одежда, на лежащих без движения людях. Спуск занял гораздо меньше времени. Они практически летели, не разбирая дороги, падая и вновь поднимаясь и снова падая от того, что ноги не успевали за далеко впереди несущимся разумом. Опасность быть убитыми или захваченными отодвинулась на второй план. Оставалось только стремление – найти живых, узнать, оказать помощь, расспросить... Спустя час, после метания между пылающими останками лагеря и чадящими пепелищами, они встретились в его центре. Вид их был ужасен: растрепанные волосы, блуждающий взгляд, закопченные руки и ноги, местами прожженная одежда. Но самое главное, что они поняли, посмотрев друг на друга, то что остались одни: полностью разрушенный лагерь, пропавшие сейф и драгоценности, врезанные до последнего

человека члены экспедиции и рабочие, исчезнувшие дневники с наблюдениями, размышлениями и выводами – пустота...

С первыми лучами солнца на место происшествия прибыла полиция, отряд специального назначения, выделенный на поиски и уничтожение банды, врачи, репортеры. Но было очень поздно: поздно преследовать исчезнувшую еще ночью банду, поздно оказывать помощь, поздно искать похищенное. Объективы телекамер с холодной беспристрастностью фиксировали только дымящееся пепелище, укрытые большими кусками материи останки человеческих тел и поседевшего за одну ночь начальника экспедиции, обнимающего свою дочь. Оба пережили небывалый психологический шок и нуждались в длительном лечении под неусыпным оком врачей-психотерапевтов.

Оправившись от психологического шока, Джейн твердо решила, что должна посвятить свою жизнь борьбе с «историческими варварами», уничтожающими культуру ее страны. После окончания колледжа, несмотря на многочисленные уговоры отца, Джейн подала заявление в полицейскую академию. Но все это было в недалеком прошлом. А сейчас...

Кафе «Жажда пустыни» было очень удобным местом для сбора информации среди подвыпивших клиентов, а также местом встречи бандитов и подготовки очередного налета на пирамиды, сюда же можно было спрятать награбленные ценности, хотя бы временно.

– Нет, я должна познакомиться и поговорить с этой загадочной хозяйкой кафе, – твердо решила Джейн, – не может быть, чтобы интуиция подвела меня.

Быстро наступивший вечер принес с собой живительную прохладу и свежее дыхание реки. Переодевшись в светлый костюм, состоявшей из короткой юбки и легкой кофточки и критически оценив себя перед большим зеркалом в спальне, девушка стремительно сбежала вниз к машине, чтобы направиться в кафе «Жажда пустыни».

* * *

Бесстрашный главарь банды расхитителей гробниц и усыпальниц по прозвищу «Хамовник» обдумывал новый план. Очень мало осталось древних захоронений, в которых не побывали его люди, отчаянные искатели приключений, жаждущие денег, золота и беззаботной жизни. Все труднее становится работать. Полиция практически «населена на плечи» и «дышит в спину» не давая расслабиться даже на самое короткое время. Наверное, настал тот момент, когда необходимо сделать выбор: найти богатое захоронение, гробницу, или усыпальницу, вскрыть ее, забрав все ценности и раствориться, навсегда, поделив награбленное между сообщниками. А там каждый должен выбрать свой путь, которым он пойдет дальше.

Втайне от всех, Хамовник давно приобрел себе небольшой островок на одном из атоллов Тихого океана, вдали от основных транспортных морских путей. Оборудовал на нем дом, скорее похожий на крепость, чем на жилище отдыхающего и преуспевающего дельца. Построил причал, к которому, медленно покачиваясь на волнах лагуны, была пришвартована современная и быстроходная, оборудованная по последнему слову техники, роскошная яхта, отделанная дорогими породами дерева, металлом и пластиком. В его отсутствие остров охраняла нанятая им дюжина профессионалов. Так что любому, даже случайно попавшему на остров человеку, грозили большие неприятности в виде хитроумных охранных систем, натасканных на людей собак и увесистых кулаков парней, не привыкших долго рассуждать о морали и иных ценностях жизни. Но это там.

А здесь: невысокие стены, грозящие каждую минуту сложиться под тяжестью нависающих над ними песков, чалящие факелы и душная атмосфера. Сжигаемый огнем кислород, и редкие ночные выходы на свежий воздух, чтобы никто не знал, где спрятались самые удачливые за многие годы бандиты со своими сокровищами. Последние слухи, которые в большом количестве собирала хозяйка кафе «Жажда пустыни» – Мина, говорили о том, что есть усы-

пальница, не тронутая еще не одним грабителем. На ее тяжелой входной плите были начертаны знаки и печати проклятья и забвения, и страх, который все равно живет в каждом человеке, сдерживал отчаянных искателей приключений от соблазна взломать плиту и проникнуть внутрь загадочного сооружения. Еще никто не забыл легенд и рассказов о страшных проклятиях, которые ниспадут на того, кто посмеет нарушить покой того, чьи останки погребли под тяжестью этой плиты и души, выпущенные на свободу, будут преследовать нарушавшего покой, пока не погубят его.

Мысли были тяжелым и ворочались в голове будто бы огромные каменные глыбы, медленно сталкиваясь и вызывая при этом тупые приступы головной боли. Храмовнику предстоял разговор с его людьми. Сам он уже давно не испытывал никакого страха. Но его люди все еще верили в тайны проклятий. «Одному с этим делом не справиться, – справедливо рассуждал главарь, – но и людей будет очень трудно уговорить. В этом случае могут помочь только очень большие богатства, которые возможно лежат за этими страшными печатями». Продумав те слова, которые он скажет свои подельникам, все ответы на возможные вопросы, Храмовник тяжело встал и оправился в соседний зал, где его же нетерпеливо ожидали «флибустьеры песчаных морей». Тяжелый, часто прерываемый браню, разговор продолжался практически весь день. Но когда солнце готово было спрятаться за горизонт, вопрос был наконец-то решен. Путем уговоров, обещаний и посул о несметном богатстве, которое они найдут, главарь убедил своих людей в последний раз взяться за это опасное и пахнущее мистикой дело, чтобы потом, получив свою долю награбленного, зажить весело и беззаботно, не задумываясь о дне последующем.

Сборы и подготовка начались уже в деловом ритме. В этой команде каждый давно уже знал, чем должен заниматься и что взять с собой, чтобы не оказаться в нужной, а может даже и критический момент, без какой-либо мелочи, которая будет мешать выполнить свой кусочек работы. Порядки, введенные при уходе на дело, были жестокими. За ошибки расплачивались только одним – жизнью. Именно поэтому они, совершив не один десяток удачных дел, были до сих пор не пойманы.

Не по годам умудренный житейским опытом Храмовник прекрасно понимал, что это последнее дело будет самым рискованным. Неизвестно как поведут себя, его люди в этот раз. Не захочет ли каждый из них забрать себе все, избавившись от остальных. Поэтому он решил для подстраховки взять с собой Мину. «Пуст она будет где-то рядом, на всякий случай, – рассуждал про себя главарь, – если закрутится какая-либо заварушка, нужно будет иметь запасной путь для отступления. А этим путем, как раз, и будет девушка с машиной». До конца обдумав все детали, Храмовник засобирался в город, предварительно выпустив почтового голубя с запиской о времени и месте встречи с Миной.

* * *

Мина задумчиво сидела у окна, выходящего во внутренний дворик кафе. Надоевшие бумаги с доходами, расходами, закупками, оплатой счетов, в беспорядке были разбросаны на небольшом столике ее уютного кабинета. Наступил вечер, и хотя в кафе было не очень много посетителей, до ее слуха доносились звуки музыки, шум разговоров, и грохотание посуды в пристройке, где готовилась пища. Через час-другой кафе будет переполнено, и начинающая только звучать какофония звуков усилится в несколько раз и ей, как хозяйке кафе, предстоит выйти в зал, чтобы приветливой улыбкой встречать завсегдатаев, знакомится с новыми людьми, случайно заглянувшими в ее заведение, обходя столики внимательно вслушиваться в разговоры подвыпивших компаний, чтобы потом, на следующее утро, подвергнуть все слышанное тщательному анализу, отбросить пьяный бред и остальную ненужную шелуху в разговорах кли-

ентов и с верным помощником Абдуллой, являющемся еще и личным телохранителем, передать сведения Храмовнику.

С того памятного разговора под высокими сводами схрона прошло уже более полугода. Мина довольно быстро освоилась в роли хозяйки этого заведения. Страхи, которые в самом начале преследовали ее, улетучились, работа затягивала все больше и больше. Общение с посетителями отвлекало от грустных мыслей, мелькавших в ее голове. Свободная рабыня – так она шуточно называла сама себя. В самом деле, никто вроде бы не ограничивал ее действий, но и отправится куда-либо самостоятельно, она не могла, без своего телохранителя Абдуллы. Документы, сгоревшие в самолете, прочно связали с бандитами и Храмовником. Мина в тайне надеялась, что в один из вечеров познакомится с нужным человеком, который сделает ей документы и тогда она сможет, наконец-то, осуществить попытку тайного бегства.

Каждый раз, после утомительного вечера, засыпая в своей кровати, она вновь оказывалась на любимых Елисеевских полях, или возле Монмартра, или взлетала на лифте на смотровые площадки Эйфелевой башни... Да, Мина была француженкой. Поездка в Египет планировалась, как отдых после успешного окончания Сорбонны и предстоящей деятельности в одной из крупных компаний Парижа, занимающейся поставками пищевой продукции на Восток. Знания, полученные за годы обучения, умение общаться в большом коллективе, сейчас очень пригодились девушке на практике. Более всего удручало Мину то, что о ее пропаже никто не будет беспокоиться, так как к великому сожалению своих родителей она потеряла еще в раннем детстве в автокатастрофе и воспитывалась в одном из частных закрытых пансионатов...

В дверь аккуратно постучали:

– Да! Кто там?

– Это я, хозяйка, – Абдулла склонился в почтительном поклоне.

– Что-то случилось?

– Нет, все нормально. Только с Вами хочет поговорить одна молодая ханум. Мне кажется, она работает в полиции.

– С чего ты взял, Абдулла?

– У нее очень цепкий и изучающий взгляд. Такие взгляды бывают только у полицейских.

– Хорошо, Абдулла. Я буду осторожна. Зови ее.

– Да, хозяйка. Если что, я буду за дверью, – с этими словами Абдулла тихо вышел за дверь и растворился, словно дымка утреннего тумана.

Спустя минуту, в комнату, вошла молодая женщина. Их возраст был приблизительно одинаков. Коротко подстриженные рыжие волосы создавали разительный контраст с белым костюмом красиво облегающим, по-спортивному стройную фигуру. Темные глаза смотрели мягко и доброжелательно, стараясь расположить собеседника к себе. Женщина протянула руку:

– Я, Джейн. Корреспондент вечерней газеты. Хочу написать небольшой репортаж о вашем кафе. Вы, не против?

При словах «корреспондент» и «репортаж» у Миной невольно пробежал холодок по спине. Храмовник, отправляя ее сюда, настаивал, чтобы она избегала всяческих контактов с прессой. Лишнее внимание не нужно было ни ему самому, ни его людям и тем более той «крыше», которую они создали сами для себя.

– Чем наше скромное заведение смогло заинтересовать столь уважаемую газету?

– Дело в том, что открытие вашего кафе прошло как-то незаметно. Но хорошая, добрая слава об уютном и недорогом заведении быстро распространилась по городу. И мой босс направил меня сюда, чтобы я убедилась в правдивости всех рассказов о Вас и вашем кафе.

– Десятки маленьких кафе открываются в городе без всякой помпезности и шумных презентаций. Они такие же уютные и недорогие. Так что мне кажется, тут не о чем писать.

– Но не одно кафе не пользуется такой популярностью. А статья в нашей газете еще больше поднимет престиж вашего заведения и соответственно возрастет число посетителей, да и прибыль возрастет. Или Вы чего-то боитесь?

– Нет, я ничего не боюсь, и скрывать мне тоже нечего. А доходы и реклама? Скорее всего, Вы правы. Хорошо, спрашивайте. Хотя, минуточку. У меня есть маленькое предложение. В зале есть отдельные кабинеты. Может, поужинаете у нас?

– Это было бы просто здорово. Если честно, то я сильно проголодалась. А запахи с вашей кухни такие аппетитные, что желудок просто требует чего-нибудь вкусного.

– Ну, тогда пошли. Абдулла!

Посетительница невольно вздрогнула, когда в дверях, словно призрак, появился помощник Мины.

– Простите, хозяйка. Но я стал невольным свидетелем вашего разговора. Все распоряжения уже отданы.

– Спасибо, Абдулла. Пойдемте, Джейн.

Мина, пропустив вперед себя Джейн, вышла из кабинета, закрыв его на ключ.

Небольшой, но уютный кабинет для VIP-персон, куда пришли женщины, был увешан дорогими персидскими коврами, обставлен удобной и изящной мебелью. Мина и Джейн присели на небольшие диванчики, расставленные около столика, с множеством разбросанных на них подушек и подушечек. На столике уже стояли фрукты в вазах и гранатовое вино в большом кувшине. Мина отпустила прислугу и как радушная хозяйка сама налила госте в бокал терпкого, похожего на густую кровь, вина.

Сделав небольшой глоток из поданного бокала, и оценив качество напитка, Джейн, у которой накопилось уже очень большое количество вопросов, спросила:

– Скажите, а почему все-таки «Жажда пустыни»?

– Человек испытывает жажду не только когда хочет пить. Есть еще понятие, как «жажда общения», а утолить ее он может, здесь, в нашем кафе.

– ? Интересная мысль...

Разговор затянулся за полночь. Мина, проводив Джейн, с облегчением вздохнула. Наверное, она зря ослушалась главара. Чем неопределеннее были ответы Мины, тем настойчивее становились вопросы Джейн. Только душистый кальян, раскуренный и поданный после сладостей спас ее от этой словесной дуэли, где опасности выскакивали, как острые камни среди бушующего потока, стремясь разбить и утопить утлую лодчонку, в которую она вступила, согласившись дать интервью.

Ночная жизнь ее заведения была в самом разгаре, но уставшая девушка уже не хотела идти в зал, так как улыбка на ее красивом личике, сейчас, напоминала скорее маску жалости, чем образчик внимательности и добродетели. Открыв дверь, и не включая света, Мина села в кресло и с удовольствием откинулась на его высокую кожаную спинку. Голова кружилась от выпитого вина и кальяна. Закрыв глаза и расслабившись, она попыталась задремать, но до слуха донеслось тихое воркование голубя. Развернувшись к окну, девушка увидела на подоконнике своего небесного почтальона. К его лапке была привязана небольшая трубочка в глубине, которой белела записка. Достав из гильзы записку и включив настольную лампу, отбросившую в дальние углы кабинета темноту, до последней секунды окружавшую Мину, она прочитала всего лишь одно слово: «Завтра...». Все остальное она знала заранее. После захода солнца ей предстоит путешествие к лавке Хабиба и там, за плотно закрытыми ставнями и дверьми, среди полок с аккуратно расставленным антиквариатом, ее будет ждать Храмовник.

* * *

Прошли уже более пяти лет с того момента, когда Митафия стала Верховной жрицей храма Исиды. Весна сменялась летом, лето осенью, а осень зимою. Завистливые мечты, которые терзали душу Главной хранительницы храма, были осуществлены. Но радость от их осуществления была кратковременной. Не прошло и года, как сны Митафии превратились в кошмар. Каждую ночь к ней приходила загубленная ей повелительница – Энтакриона.

Вот и сегодня Митафия отпустив рабынь, готовивших ее ко сну и плотно прикрывших дверь, осталась одна. Вокруг стола глухая тишина, нарушаемая потрескиванием факелов и лампад в большом количестве расставленных и развешанных, по ее указаниям в спальне. Но яркое освещение не могло спасти от того чувства страха, которое подобно холодной змее, заползло под ее покрывало, медленно обвивало похолодевшие ступни и кольцами начинало сворачиваться вокруг всего тела, добираясь до самого сердца.

Но сегодня чувство страха переросло в ужас. Дрожь пробежала по всему телу, и липкий пот мгновенно пропитал одежды Митафии. Взгляд широко раскрытых глаз был устремлен в никуда. «Нет! Нет! Не хочу!» – пульсировала мысль в голове жрицы. Рука непроизвольно потянулась к шелковому шнуру, на котором был привязан колокольчик для вызова стражи и прислуги. Его тревожный перезвон разбудил, начинавший засыпать храм. Лязгая оружием, ворвалась ночная стража, готовая вступить в схватку с любым, кто посмел нарушить сон их повелительницы, следом вбежала прислуга. Все остановились в центре просторной спальни, озираясь по сторонам. Но спальне никого не было, кроме ее хозяйки. Успокоившись, что защищаться не от кого не надо, стража покинула покои, оставив в ней прислугу. Привыкшие к таким ночным вызовам, рабыни окружили ложе своей хозяйки и остались дожидаться, когда она успокоится и заснет. И действительно, постепенно, Митафия начала приходить в себя, и сон тяжелым покрывалом накрыл ее, унося в неизвестность...

...Подсознание, на этот раз, выбросило ее в темную, липкую черноту. С трудом открыв глаза, она ощутила на свои руках и ногах тяжелые оковы. На грудь давили цепи, крест-накрест опоясывающие тело. Было трудно дышать, так как воздух кончался. Весь организм с надрывом впитывал эти последние капельки кислорода, оставшиеся в помещении. Нестерпимо хотелось пить, губы потрескались от жажды. Митафия попыталась закричать, позвать кого-нибудь на помощь, но из горла вырвался только хрип. Глаза пытались разглядеть хоть что-нибудь в темноте, но эти попытки были тщетны. Спина ощущала шероховатость холодных плит, к которым она была прикована.

– Где я? Что со мной? – металась в голове одна и та же мысль, – что со мной сделали?

Опустив голову вниз, она постаралась посмотреть на свое тело и одежду, и, вдруг вспомнила, все вспомнила. Догадка поразила ее, как вспышка молнии: «Я... – это не я. Не Митафия прикована к плитам и мучительно умирает этой страшной смертью, а Энтакриона. Но боги!!! За что мне такие испытания?!».

В дальнем углу помещения появилось слабое свечение. «Помощь! Это пришла помощь, чтобы выволить меня из этого комара!» – обрадовалась жрица. Свечение приближалось, приобретая формы человеческой фигуры. Когда Митафия стала понимать, чью фигуру напоминает ей это свечение, она забилась в цепях, как мотылек в паутине, пытаясь высвободиться и бежать без оглядки. К ней, белых ниспадающих одежд, со светящейся короной на голове и почему-то закрытыми глазами, приближалась Энтакриона. Когда она достаточно приблизилась, к изворачивающейся, как червь в своих оковах Митафии, от призрака дохнуло таким ледяным холодом, как будто бы сама бездна окружила, потерявшую всякую надежду вырваться из этого ужаса, жрицу.

Но голос, возникший из не откуда был еще страшнее того ледяного холода, который окружал Митафию:

– Пришло время расплаты, Митафия. Пора тебе отправиться в долгий путь в царство Осириса.

– Нет! – взвыла, опутанная цепями жрица, – Я искуплю свои грехи перед тобой! Я буду молить богов, чтобы они подарили тебе вечный покой! Прости меня!

– Тебя? – в голосе Энтакрионы послышалось плохо скрываемое раздражение, – а что ты скажешь на это?! Лакит! Любимый, напомни этой женщине о своем существовании.

Прямо перед глазами уже почти обезумевшей Верховной жрицы, появился бывший Начальник храмовой стражи. В руке он крепко сжимал короткий меч...

...Рабыни, уставшие стоять возле ложа своей повелительницы, тихо присели вокруг. Душная ночь обволакивала липким, тягучим покрывалом сна. Девушки начали дремать, как вдруг ночь разорвал дикий крик. Это кричала во сне Верховная жрица храма Исиды – Митафия. Мгновенно проснувшиеся рабыни устремили свои взоры на хозяйку и тут же, в диком ужасе, отпрянули. Пропитавшееся кровью покрывало было сорвано, на руках и ногах жрицы виднелись красные следы потертостей, как будто бы Митафия пол жизни провела закованной в кандалы, тело покрылось многочисленными порезами от какого-то острого предмета, обезумевшие глаза, почти вылезшие из орбит смотрели в пустоту, из рта медленными толчками вытекала черная кровь... Но когда в спальню вбежали Главная хранительница и Начальник храмовой стражи, разбуженные дикими криками и суетой, их взорам предстал дымящийся скелет. Это все, что осталось от их хозяйки, смерть которой была столь загадочной, что по распоряжению фараона погребение было тайным, а разговоры на эту тему карались смертью.

* * *

Комната вместе с кроватью раскачивалась словно корабль, попавший в жестокий шторм. Джейн, периодически открывая глаза, пыталась остановить этот процесс, фиксируя взгляд на одном из предметов. Но эти попытки были тщетны. Веки опускались, и головокружение возвращалось с удвоенной силой. Так плохо ей еще никогда не было.

Тягучее, похожее на кровь, гранатовое вино, предложенное хозяйкой кафе, оказывало свое коварное действие. И кальян..., зачем она согласилась на этот эксперимент. Все равно из Мины нельзя было вытянуть ни единого слова. Единственно, что поняла Джейн, то что девушка была очень сильно напугана ее появлением и знает очень многое из того, что интересовало старшего инспектора.

С трудом заснув под самое утро, Джейн смогла проснуться лишь к полудню. Самочувствие было ужасное, голова разламывалась от боли, тело ощущалось как большой ватный ком...

В спальню, негромко постучавшись в дверь, тихо вошла старая служанка с подносом в руке. На подносе стоял стакан с водой, и лежали две таблетки аспирина.

Служанка видела, в каком состоянии ее любимица пришла домой. Вид нетрезвой молодой хозяйки болью в сердце отозвался в груди старой женщины. Эта девушка росла на ее руках. Старая служанка знала каждую складочку на ее теле, так как только она и никто другой мыл ее. Каждый шрамик на руках и ногах девушки был известен ей, ведь только она обрабатывала все раны этой рыжеволосой непоседы. Не раз и не два говорила она хозяину:

– Ей бы мальчиком родиться. Все девочки играют в куклы, шьют одежду, а наша гоняется с палками за мальчишками, дерется и кусается, вечно ходит с синяками и ссадинами. Может, Вы поговорите с ней, хозяин. Это не девочка, а маленький чертенок.

– Да, конечно, – отвечал отец Джейн и вновь углублялся в свои книги, находки и планы, а то и вообще уезжал в очередную экспедицию, на раскопки, оставив Джейн на попечение няньки.

А жизнь бежала своим чередом. Из непоседливого ребенка, Джейн превратилась в красивую девушку, но уличные привычки так и остались в ней навсегда.

Еще раз, тяжело вздохнув, служанка поставила поднос на маленький столик возле кровати Джейн.

– Госпожа, – позвала она как можно тише, видя как от любого громкого звука морщиться лицо молодой хозяйки, – звонили несколько раз с работы, да и отец уже интересовался, не заболели ли Вы?

– Который сейчас час? – спросила Джейн, не открывая глаз и с трудом разлепив запекшиеся губы.

– Скоро два, – также тихо ответила ей служанка.

Через секунду Джейн стояла уже в вертикальном положении. В ее руке, в стакане, с шипением растворялся аспирин, другая рука в это время усиленно массировала лоб и виски. Выпив несколькими большими глотками содержимое стакана, девушка, наконец-то, получила способность хоть чуточку соображать. Не привычная с детства растягивать свое одевание на долгие часы, она стремительно оделась и выбежала на улицу. Впереди ее ждало неприятное объяснение с начальством...

* * *

...И вот, наконец, заветная плита. Все остановилось в нерешительности. В какое-то мгновение страх сковал всех членов банды, но это длилось только мгновение. Богатства, обещанные главарем, перевесили ледяной страх, и взломщики приступили к работе. Прошло не менее часа, когда тяжелая плита, наконец-то поддалась усилиям и сдвинулась с места. Из открывшейся глубины дохнуло сыростью. Когда плиту сдвинули ровно на столько, что в образовавшийся проем мог свободно пройти человек, банда двинулась внутрь, оставив снаружи одного из бандитов для охраны и наблюдения.

Мощные фонари осветили довольно высокий проход. Во всяком случае, человек, мог идти по нему, не пригибаясь. Не пройдя и сотни метров, они наткнулись на останки человека, прикованного к плитам. Кости его рук и ног были перебиты, каким-то тяжелым предметом.

– Наверное, долго мучился перед смертью, – вздохнул громадный негр с тяжелой кувалдой в руках

– Нечего тарашиться! Нам некогда проливать слезы над скелетами! Вперед! – Храмовник указал фонарем направление внутрь склепа.

Но лишь луч скользнул дальше по тоннелю, как из глубины ярко вспыхнул красный свет, отразившись от какой-то преграды. Всплеск огненно-красного света был настолько ярким, что все, находившиеся в тоннеле, невольно прикрыли глаза, а когда вспышка холодного красного пламени погасла, на ее месте возникло бледное голубое свечение, медленно приближающееся к людям.

Лихих грабителей, давно привыкших ничему не удивляться, вдруг охватил дикий страх, переходящий, по мере приближения таинственного голубого света, в панический ужас. Ледяной холод сковал не только отдельные части людей, но и холодной скользкой змеей забрался в душу, подбираясь к самому сердцу. И с каждой новой волной ледяного холода, бандитам, замершим в оцепенении, чудился голос зовущей женщины: «Лакит! Любимый! Где ты?»

Когда первое оцепенение прошло, обезумевшие расхитители ценностей, прежде не знавшие страха, словно взбесившийся табун диких лошадей, с воплями, бросился назад, к выходу. В этот момент их не возможно было остановить ничем. Это Храмовник понял сразу. Ему, оста-

валось лишь наблюдать, за скачущими по стенам отражением, удаляющихся фонарей. Продолжая наблюдать, как его люди убегают к выходу, он, одновременно сам, испытывал необъяснимое чувство ужаса, ощущая каждой частичкой своего тела, как холодное голубое сияние медленно приближается к нему. Вот оно окружило его, и мир в сознании Храмовника как бы остановился. Но это лишь на одно мгновение. Следующий скачок в сознании откинул его в глубокое прошлое...

...величественный дворец фараона. Он, распластавшись на полу, не смея поднять глаза на Сына Солнца на земле, выслушивает свое новое назначение. Наконец-то небеса снизошли до его молитв, и он назначен Начальником храмовой стражи. Ему, не медля ни минуты, следует отправиться в храм богини Исиды и приступить к исполнению своих обязанностей. Верховная жрица храма извещена и ждет его.

Не поднимая глаз, в низком поклоне, спиной вперед, он удаляется из покоев фараона. За дверьми ему вручают папирус, на котором начертано его назначение и скреплено священной печатью фараона.

Сбежав по ступенькам, он встает в свою колесницу, и устремляется в путь...

Храмовник вздрагивает, словно от удара и приходит в себя. Он лежит в проходе усыпальницы, горящий фонарь валяется рядом, выхватывая из темноты часть стены, на которой изображены древние фрески с описанием жизни богини Исиды.

«Что это было? Временное умопомрачение или какая-то мистика? Кто такой Лакит? И вообще, что со мной происходит? – вопросы как из «рога изобилия» возникают в голове, брошенного в гробнице главаря банды. «Надо возвращаться», – думает он, медленно вставая на ноги и подбирая валяющийся фонарь.

Первые несколько шагов даются с трудом: сильно кружится голова, перед глазами расплываются разноцветные круги, ноги и руки кажутся ватными. «Ничего, – думает Храмовник, – это просто от недостатка воздуха. Сейчас выйду наверх, и все будет нормально».

Но пройдя заветные метры к выходу, брошенный своими подельниками главарь обнаруживает, что плита вновь стоит, на своем месте и нет, ни единой щели, которая открывала бы дорогу к чистому воздуху и звездному небу. В бессилии он опускается на песок, осознавая, что замурован рядом с человеческими останками и далеким и непонятным прошлым.

* * *

Проклятая машина отказывалась заводиться и ехать дальше. Время оставалось совсем чуть-чуть, а Мина была еще далеко от того места, на которое указал ей Храмовник при последней их встрече в лавке антиквара – изворотливого и хитрющего старикашки Хабиба.

Само свидание, назначенное главарем банды не вызвало никакого оптимизма у Мины. Она сравнивала эту встречу с неожиданным интервью той, рыжеволосой корреспондентки. Но делать нечего, встреча назначена и значит надо идти. Промаявшись, весь день, страдая от головной боли и плохого самочувствия после вечернего разговора с Джейн, Мина, едва дождавшись, когда солнце скроется за горизонтом, отправилась в условленное место.

Едва девушка подошла к антикварной лавке, дверь, тихонько скрипнув, отворилась, и Хабиб, склонившись в почтительном поклоне, пропустил Мину внутрь. Лавка представляла собой небольшое помещение, сплошь уставленное полками с различными безделушками, именными стариком древними артефактами. Некоторые из них, действительно, были найдены археологами, но не представляли особого интереса и были проданы старику за гроши. Но великий махинатор умел извлекать из каждой вещи наибольшую выгоду. Распространяя слухи, через многочисленных знакомых и покупателей, об ошеломляющих находках и зазывая к себе иностранных туристов, Хабиб продавал дешевые вещицы по баснословным ценам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.